

МУССА ХАКИМ (М. Г. ДОМБА) И ЕГО ПИСЬМА К ХАДЖИ-МУРАТУ МУГУЕВУ

И. С. Хугаев

Вводятся в научный и литературно-критический оборот письма Муссы Хакима (Моисея Григорьевича Домба) к Хаджи-Мурату Магометовичу Мугуеву, содержащие интересные замечания о литературном процессе и культурной атмосфере в Северной Осетии середины прошлого века, критические суждения о творчестве современных писателей (в том числе о романе Х.-М. М. Мугуева «Буйный Терек»), факты и обстоятельства, относящиеся к военно-политической истории и этнографии народов Кавказа и т.д. Документы интересны и как собственно эпистолярное наследие врача и поэта, историка и краеведа; они представляют собой самобытное литературное явление и аутентичное свидетельство эпохи. Важно и то, что письма проливают некоторый свет на личную жизнь Муссы Хакима, в свое время одного из самых уважаемых граждан города Владикавказ, а сегодня едва ли не преданного забвению.

Ключевые слова: Мусса Хаким (М. Г. Домба), Хаджи-Мурат Мугуев, «Буйный Терек», Махарбек Туганов, Кази-Мулла, Ермолов, Н. И. Пирогов, Х. С. Черджиев, осетины, дигорцы, казаки.

Letters of Mussa Hakim (Moses Grigorievich Domba) to Hadji-Murat Magometovich Mugev are being introduced into the sphere of scientific and literary-critical investigation, as they contain interesting comments on the literary process and cultural atmosphere in North Ossetia in the middle of the past century, critical judgments about the works of contemporary writers (including novel H.-M. M. Mugev «The Wild Terek»), the facts and circumstances relevant to the political-military history and Ethnography of the peoples of the Caucasus, etc. Documents are interesting as the epistolary heritage of the doctor, poet, historian and ethnographer; they represent an original literary phenomenon, and are authentic testimonies of the era. It is also important that the letters shed some light on the personal life of Mussa Hakim, in his time one of the most respected citizens of the city of Vladikavkaz, but who is in oblivion today.

Keywords: Mussa Hakim (M. G. Domba), Hadzhi-Murat Mugev, «The Wild Terek», Maharbek Tuganov, Kazi-Mulla, Yermolov, N. I. Pirogov, Kh. S. Cherdzhiev, Ossetians, Digors, Cossacks.

Имя Моисея Григорьевича Домба, как и его литературный псевдоним — Мусса Хаким — были достаточно хорошо известны в Осетии в советское время. Конечно, многие помнят его и сегодня, — но, главным образом, как друга и исследователя творчества народного художника Осетии М. С. Туганова, о котором он написал замечательную и по сей день востребованную книгу¹. Между тем М. Г. Домба был связан и дружескими, и творческими отношениями со многими представителями осетинской интеллигенции, деятелями науки, культуры и искусства середины XX в, которым он,

кстати сказать, и посвятил книгу о Махарбеке Туганове [2, 5].

Здесь мы публикуем ряд писем М. Г. Домба к Хаджи-Мурату Магометовичу Мугуеву (1893-1968), осетинскому советскому писателю, автору таких «бестселлеров» своего времени, как «К берегам Тигра», «Весенний поток», «Кукла госпожи Барк», «Господин из Стамбула», «Буйный Терек» и др. Переписка «Муссы» (так зачастую он подписывал свои письма) с Хаджи-Муратом, в тот период жившим уже в Москве, началась в конце 1959 и продолжалась вплоть до смерти Муссы Хакима в

1966 г. К сожалению, письма самого Мугуева к М. Г. Домба утрачены (вместе с архивом последнего), и нам остается только с сожалением удовлетвориться позднейшим свидетельством вдовы писателя Надежды Павловны Мугуевой, что с «Муссой Хакимом, много и заинтересованно писавшем о работе Хаджи-Мурата и дававшим порой дельные советы, Хаджи-Мурат охотно переписывался» [3].

Именно Надежда Павловна после смерти супруга передала архив Х.-М. Мугуева Северо-Осетинскому музею осетинской литературы им. К. Л. Хетагурова, в фондах которого был обнаружен эпистолярный цикл Муссы Хакима [4].

В указанный период Мугуев работал над историческим романом «Буйный Терек», — и письма в значительной мере составляют литературно-критические и исторические материалы и проливают свет на некоторые детали творческой истории романа (отдельные из этих положений Муссы Хакима нами уже опубликованы [5]). При этом некоторые сведения, относящиеся сугубо к вопросам краеведческим, этнографическим и военно-историческим, мы оставляем без комментариев как выходящие за рамки наших компетенций; возможно, на них обратят внимание специалисты.

Впрочем, вовсе не в последних состоит, по нашему мнению, главное достоинство публикуемых писем: они — аутентичный документ эпохи, в тонких, зачастую лирических ипостасях воскрешающий атмосферу советской Северной Осетии. Их отличает не только глубина содержания и верность

наблюдений, жизненных, литературных и исторических, но и великолепный эпистолярный стиль, — явление сколь изысканное, столь и редкое в наше «цифровое» время.

Соответственно, письма освещают глуховатым, но теплым светом последние годы жизни самого Моисея Григорьевича, человека восприимчивого, эмоционального, искреннего, скромного и стеснительного, всем сердцем преданного Осетии и Кавказу (вот чем, помимо остального, мотивирован и его звучный не-русский псевдоним, адаптирующий его собственное имя и название ремесла к «азиатскому» слуху), — а также некоторые обстоятельства семейной жизни и творчества адресата, всего лишь на два года пережившего своего товарища. В этом, главным образом, мы и видим смысл данной публикации, ибо сведения о жизни и личности М. Г. Домба весьма скудны и ограничиваются, по сути дела, той информацией, которую он здесь сам о себе дает (на данный момент мы не знаем и года его рождения). Другие факты, связанные с его литературным и научным наследием и безусловно заслуживающие нашей памяти, равно как и предположения (в т.ч. этического и психологического свойства), касающиеся его жизненных обстоятельств, найдут свое место в примечаниях к письмам соответственно их актуализации.

Последние три письма писал уже не Хаким: они написаны и отправлены к Мугуевым после смерти М. Г. Домба, но органично завершают тему и в каком-то смысле придают этому эпистолярному циклу форму литературного сюжета.

ПИСЬМА МУССЫ ХАКИМА К Х. -М. М. МУГУЕВУ

4 октября 1959 г.

Дорогой Хаджи-Мурат!

Позвольте называть Вас именно так, потому что наше единственная с Вами встреча оставила у меня неизгладимое ощущение дружественности и глубокого взаимопонимания. Еще до знакомства с Вами теплое к Вам чувство было пробуждено необыкновенно правдивой Вашей повестью «К берегам Тигра». Книга эта стала нашей настольной, а образы Гамалия, Зуева, Пацюка, «сотника в очках» — родными для меня и для моей жены.

Вот почему несколько лет тому назад, при нашем с Вами свидании в Орджоникидзе на съезде писателей² мы много и оживленно беседовали, подобно старым друзьям; быть может, этому способствовало и то обстоятельство, что в молодости и Вы, и я погуляли в Персии и Турции; я — солдатом пехоты, Вы — казачьим офицером. Воспоминания о былых воинских делах как-то сближают людей с полуслова.

На мое заявление, что группа Ваших почитателей, и я в их числе, ждем от Вас большого полотна о героике Кавказской воны, Вы с досадой ответили, что полотно готово, но ему не суждено увидеть света после выступления Багирова³ с его пресловутыми высказываниями о Шамиле, и мы оба с Вами удивились, почему, если мы, по справедливости, считаем народным героем современника нашего Хо-Ши-Мина, мы должны считать Шамиля англо-турецким наемником и бандитом?!

Но удивление наше, увы, ничего не могло изменить.

Tempora mutantur, — прошло немало лет, многое изменилось. Я следил издали за Вами, с удовольствием читал Ваши авантурные повести, хорошо понимая, почему Вы их пишете... Но даже в «Кукле госпожи Барк», нагло оплеванной казенными блюстителями «идейной» направленности в литературе, чувствуется мугуевский почерк; даже в этом жанре, оставаясь верным

себе, Вы умели дать читателю этнографию и географию Ирана, пронизанные неповторимым ароматом Востока, особенно ощутимым для тех, кто знает Восток.

Мне неоднократно хотелось спросить о судьбе Вашего большого полотна, но я стеснялся сделать это, ибо в доме повешенного не принято говорить о веревке.

И вот, скромность моя вознаграждена. Неделю тому назад мой приятель и Ваш поклонник, психопатологически заядлый библиофил — казак станицы Червленной и, во время оно, воспитанник Владикавказского кадетского корпуса Михаил Иванович Федюшкин — внук младшего ермоловского современника, придя вечером ко мне посидеть, с необыкновенно торжественным видом положил мне на стол книгу, с суперобложки которой на меня глянул открытым, пронизательным взором Гази-Магомед, а надпись мне досказала остальное⁴.

Первым душевным движением моим, вполне разделенным моей женой, было чувство глубокой радости за Вас. Мы радовались победе здравого смысла над предвзятой идеей, диалектики над догматом, подлинного знания над невежеством, справедливости над пришибевщиной. Радовался я, радовалась моя хозяйшюшка, радовался от души Мишка Федюшкин, доставивший нам столь неожиданный сюрприз.

Я читал «Буйный Терек», смакую каждую главу как терец, уходя в прошлое нашей с Вами родины, памятуя мудрую поговорку японцев: «Человек, не уважающий своих мертвецов, — существо без будущего». Конечно, мертвецы разные бывают. Среди них Путушков и Голицын, Чекалов и Корганов, Паскевич и его окружение. Не о таких мертвецах думали японские мудрецы, они разумели других, одно воспоминание о которых заставляет обнажить голову: таковы Ермолов, Елохин, Небольсин, Гостев, Мадатов⁵.

Историческую личность можно пред-

ставить себе по живописному портрету, по мемуарам современников, но ничто не создает такого всеобъемлющего образа, как портрет литературный, если творцом его является объективный, образованный и талантливый писатель.

Образы Кутузова и Багратиона, созданные Толстым, давно и прочно зафиксированы в моем воображении, и никаких коррективов в рисунок Толстого я не испытываю потребности вносить.

Настоящего образа Ермолова до сих пор литература наша не дала. Вы первый решились это сделать, и в этом Ваше великое счастье и удача. Я лично принимаю этот портрет и другого мне не понадобится, — именно таким всегда рисовался мне Алексей Петрович, этот подлинный муж брани и чести, и напрасно профессор Бороздин⁶ упрекает Вас в идеализации этого образа, приводя как смертный грех предпринятую Ермоловым экзекуцию аула Дады-Юрт. Ведь Ермолов 130 с лишним лет тому назад щадил женщин и детей, чего не делают сыны XX века во время авиабомбардировок (я уже не говорю и Хиросиме и Нагасаки), поэтому не нам надлежит упрекать его в жестокости — «*a la guerre comme a la guerre*», — мыслили в те времена.

Не прав профессор Бороздин и в своем другом утверждении об идеализации Вами отношения Ермолова к Елохину.

Дельные офицеры старого времени умели отличать и выделять достойных уважения солдат. Я сам, как старый солдат, должен это отметить, и неоднократно, будучи «нижним чином», испытывал это на себе. А Елохина было за что уважать. Елохин — это понятие собирательное, это образ подлинно русского воина, — и мы с Вами видели в свое время немало Елохиных, это бессмертный образ русского солдата, дошедший до наших дней, несколько модернизовавшись, в лице Василия Теркина; Елохин — это Теркин времен Ермолова; Василий Теркин — это Елохин наших дней.

Образ Саньки Елохина — Ваша большая творческая удача. Анемичный облик его современника Платоши Каратаева⁷ не может считаться типом русского человека.

Афоризм «червь капусту гложет, а сам допреж ее пропадает», быть может, убедителен для соответствующей аудитории в устах молоканского проповедника, но в устах солдата он не убеждает: не Каратаевы, а Елохины кровью и мужеством своими спасали Русь в ее тяжкие годы.

По духу своему Елохин и Ермолов слиты в Вашем повествовании как меч и направляющая его могучая рука.

Глубокое впечатление производит картина экзекуции аула Дады-Юрт. Героическая защита его жителей, глухое недовольство совершающимся русских солдат и офицеров, кровавая битва с беспомощными, многочисленными жертвами с обеих сторон пробуждают и обостряют растущее в наши дни в мировом масштабе чувство отвращения и ненависти к войне.

Иные эмоции овладевают читателем при знакомстве с Вашим изумительным батальным полотном осады Шуши и битвы под Гянджой. Говоря откровенно, по красочности отдельных эпизодов, по тщательной детализации тактических приемов обеих сторон, по эпическому тону повествования оно может быть поставлено в один ряд с описанием осады Смоленска и Бородинского сражения у Толстого. Очень верно подчеркнуто то обстоятельство, что 60-тысячная армия «персюков» не была ордой, а представляла собой боевую силу, хорошо обученную европейскими инструкторами, превосходно вооруженную, отлично экипированную, сытую, с свежими силами.

Это историческое обстоятельство подчеркивает величие подвига ермоловских орлов, которые, будучи в 9 раз малочисленнее врага, нанесли ему сокрушительный, смертельный удар.

Помимо высказанных мной мыслей хочу поделиться с Вами еще некоторыми соображениями.

Сотник станицы Червленной Федюшкин действительно был большой хлебосол, но не в этом его основная заслуга; он был примечателен не одним хлебосольством. Его защита с горсточкой казаков позиции против многих сотен чеченцев — истинный

подвиг, очень коротко отмеченный Александром Дюма в его «*Voyage de Caucase*», вплетенный в ткань Вашего романа, он выглядел бы весьма эффектно.

Трудно мне согласиться с Вами в трактовке личности Татархана Туганова. Прежде всего это был видный среди баделят русофил. Всю свою жизнь он посвятил борьбе с абреками. Был приближен Ермоловым. Заботами Ермолова получил чин хорунжего. При своем окончательном отъезде в Россию Алексей Петрович вызвал Татархана в Владикавказ для прощальной беседы, а через несколько часов Татархан погиб у Татартупа, предательски убитый кабардинским разбойником князем Кожокиным, за полчаса до проезда опального генерала через укрепление Минарет. Эти сведения имеются и у историка Потто⁸, но гораздо детальнее передает их дигорская традиция.

Я несколько удивился тем обстоятельством, что в Вашем романе почти не упоминаются осетины⁹, а между тем Ермолов немало приложил усилий к привлечению осетинских «старшин» на сторону России.

В дигорской степи Силтанук, на холме, носящем и поныне имя Ермолови Тупшур, Алексей Петрович не раз встречался с баделятами. Здесь произошел его курьезный диалог с Касаем Кубатиевым, здесь же баделята были приведены к присяге на верность русскому царю.

На эту тему было бы интересно побеседовать лично, — в кратком письме всего не изложишь.

Перехожу к мелочам, «песчинкам».

Песчинка — вещь малозаметная, но при попадании в глаз причиняет заметное беспокойство. Так некоторые детали изложения могут вызывать легкое ощущение досады у придирчивого индивида (вроде меня), не лишённого известного чувства стиля.

На стр. 24 читаем: «Вы разумнейшие и богатейшие люди всего *района*...»

На стр. 34: «...глупый *инцидент*».

Слова «район» и «инцидент», в то время еще не вошедшие даже в обиход русского языка, диссонируют с восточным колоритом совета в Унцукуле.

Стр. 115-116: «...скупо освещенного одиноким *керосиновым* фонарем».

В 1826 году керосина человечество еще не знало. Даже в Петербурге улицы освещались масляными фонарями.

Стр. 326: Сцена в станице у «ахтерок» Голицына: «...*Лампу!* *Лампу* задуй!»

В те времена в станицах источником освещения служил «каганец» — плошка с овечьим жиром или конопляным маслом, а у зажиточных казаков в качестве предмета роскоши — сальная свеча.

Стр. 334: «...время от времени потягивая из большой *эмалированной* кружки горячей чай».

Эмалированная посуда появилась только в 50-х годах XIX века. В описываемые же Вами годы у офицеров в обиходе были походные погребцы с оловянной посудой, а у таких господ, как Голицын — с серебряной.

Стр. 495: «Так точно, *полуротный* (...) объяснил Сенька».

При Ермолову полуротный назывался субалтёрн-офицером, а в устах солдат это звучало — «забалтёр».

Стр. 496: «...мигнул двум солдатам в *белых*, запачканных кровью халатах».

Стр. 502: «человек в *белом* халате с густыми, полуседыми баками».

Врачи времен Ермолова понятия не имели о белых халатах, а тем более санитары и посетители лазаретов. Белые халаты вошли в обиход уже в 70-х годах прошлого столетия. Даже 20 лет спустя, после описываемых Вами дней, в 1847 году, сам великий Пирогов оперировал в сюртуке, защищаясь от крови и гноя пациента висящим на поясе кожаным фартуком. В его книге «Отчет о путешествии по Кавказу (Москва, 1952, Госмедиздат) на стр. 23 Вы можете увидеть хорошую репродукцию с картины художника Бучкина, изображающую работу Пирогова при осаде аула Салты в 1847 году. Полубопытствуйте взглянуть, и Вы убедитесь воочию в правильности моих слов¹⁰.

В отношении наличия в русской армии боевых конгревовых ракет в 1826 году я (грешный человек) сильно сомневаюсь. По имеющимся у меня источникам я до сих пор был убежден, что они появились у нас в

канун Крымской войны, то есть в 1853 году. Если я ошибаюсь, простите и считайте мое сомнение невысказанным.

Что касается штуцеров у армянского архимандрита Хорена в Шуше, то надо сказать, — хотя и в небольшом количестве, у застрельщиков по 5-10 штук на роту, Литихские двухбороздковые штуцера для круглой ободковой пули с сальником были в русской армии уже и в войну 1812 года. Это обстоятельство Вы и сами признаете, — на последней строчке стр. 80-й читаем: «Впереди шли егеря. Их желтые погоны, короткие штуцера и длинные тяжелые штыки были покрыты слоем... пыли». Совершенно верно, егерские роты того времени имели на вооружении штуцера для всех солдат своего состава.

Вот и все мои непрошенные замечания, продиктованные неподдельным восхищением Вашей книгой.

Глубокое впечатление «Буйный Терек» произвел на всех знакомых мне знатоков и любителей книги.

По поводу ее идут оживленные толки. Некоторые разлакомившиеся читатели утверждают, что «Буйный Терек» — только 1-я часть грандиозной трилогии Мугуева, что 2-я часть, «Газават», уже в наборе, а 3-я — «Имам Шамиль» — запланирована Воениздатом к выпуску в июле 1960 года¹¹.

Откуда эти мечтатели-энтузиасты выкопали такие «точные» сведения, Аллах их ведает.

Заканчивая мое несколько затянувшееся послание, благодарю Вас за чудесную книгу, от души желаю бодрости, здоровья и счастья.

Примите, дорогой Хаджи-Мурат, мой искренний, теплый привет.

4 октября 1959 года.

Ваш Мусса.

Адрес: г. Орджоникидзе, Северо-Осетинской АССР, ул. Ленина, 59, кв. 4.¹²

Моисею Григорьевичу Домба.

16 октября 1959 г.

Глубокоуважаемый товарищ Мугуев!

Роман Ваш «Буйный Терек» произвел на меня исключительно глубокое впечатление.

Мне, как строму терцу, очень хотелось бы поделиться с Вами некоторыми мыслями по поводу этого поразительного произведения.

Но меня смущают два обстоятельства: во-первых, точен ли написанный мною Ваш адрес, во-вторых, найдется ли у Вас время разбираться в впечатлениях мало знакомого Вам индивида.

Рассейте мои сомнения, и я напишу Вам обстоятельное письмо.

Готовый к услугам М. Домба.

Г. Орджоникидзе, СОАССР, ул. Ленина, 59, кв. 4,

Моисею Григорьевичу Домба.

27 ноября 1959 г.

Глубокоуважаемый тов. Мугуев!

С Вашего любезного разрешения, несколько недель тому назад я выслал Вам заказным пакетом письмо о Вашем романе «Буйный Терек», появление которого радостно взволновало многих удалых терцев.

Ответа на мое послание не последовало.

Если оно утрачено почтой — дело поправимое: я немедленно вышлю второй экземпляр; если же ответа мне вообще не следует, желательно было бы знать об этом, ибо его с нетерпением жду не я один, а целая группа искренних Ваших почитателей.

Благоволите, если сочтете возможным, рассеять грустное недоумение любящих Вас людей.

Примете мой теплый привет.

М. Домба.¹³

5 января 1960 г.

Дорогой Хаджи-Мурат!

Душу мою согрела братская теплота, с которой Вы приняли мое послание-рецензию. Полностью согласен с Вами, что темой «Газават»¹⁴ Ваше повествование должно быть закончено, — ведь Вы готовите в целом не чтиво в духе покойной г. Желиховской¹⁵, а строго выдержанное историческое полотно, освещенное светом Вашей идеологии и расцвеченное живыми красками Вашего таланта; а Шамиль-ших и Шамиль-теократический монарх представляют собой как бы два разных лица, причем, если бы его муршид, встав из могилы, увидел бы своего любимого мюрида в но-

вом перевоплощении, — пожалуй, Шамилю было бы не сдобровать.

Рассматривая альманах «XIX век», я как-то на странице 130 увидел поразивший меня рисунок — композицию с подписью «Полководцы союзных армий», и там, среди такой публики, как ген. Арно, лорд Лагран, Нэпир, Омар-паша, глянуло на меня важное лицо самого имама Шамиля; неподходящая компания для шиха и мюрида, не правда ли? Вы можете увидеть этот рисунок, потребовав альманах в книгохранилище имени Ленина (приложение ж. «Нива», 1901 г., изд. Маркс, Санкт-Петербург, 1901), — он Вам будет интересен.

Я от души молю Аллаха, Ягве и Хуцау, чтобы они даровали радость Вам и мне увидеть в печати «Газават». Перед Вами грандиозная работа — период 1827-1832 годов столь насыщен событиями, что изобразить их — вещь нелегкая. Один лишь поход Казимуллы на Владикавказ, неудавшийся из-за тумана и спешившего к крепости Сикурса, подготовка крепости к приему незваных гостей, участие в этом осетин, действия дигорской конницы — вот где простор авторскому перу!.. вот где бездна работы!

Уважаемый друг, мне хочется поделиться с Вами некоторыми соображениями по поводу предстоящего выхода в свет второй части Вашей эпопеи, а, может быть, и второго издания первой ее части. Хотелось бы обратить Ваше внимание... на одно весьма характерное явление, сопутствующее мюридизму и доводившее идеи последнего ad ultimum. Это зикра... Уже в наши дни учение это имело вспышку в Чечне в начале 20-х годов, в памятные дни авантюры имама Гоцинского, а во времена Гази-Магомеда и Шамиля оно цвело пышным цветом. Оставить это движение неотмеченным было бы жаль. Оно почти никем не освещалось, а между тем представляет собою огромный интерес как со стороны характеристики психологии масс, так и в чисто познавательном смысле.

Кроме того, необходимо рассеять до сих пор бытующее суеверие, что горцы были в борьбе безоружны... Это абсурд. Доста-

точно вспомнить «Отчет о путешествии по Кавказу 1847-1849 гг.» Н. И. Пирогова.

Может быть, Вы сочтете возможным сообщить мне, считаете ли Вы уместным использовать эпизод героической защиты ст. Червленной казаками с Федюшкиным¹⁶ во главе (для 2-й части), дать выпуклый, исторический образ Татархана Туганова (при переиздании 1-й части), сказать пару слов о делах и настроениях дигорских баделят при Ермолове. В положительном случае я был бы рад указать Вам (так же, как и о зикре) некоторые источники.

Перехожу к дагестанской рецензии на Ваш роман, — я внимательно ее изучил.

Прежде всего бросается в глаза: рецензент Трунов плохо образован, плохо сведущ в семантике речевых символов, коими он оперирует; кроме того, он не шибко добросовестен в изложении, а, самое главное, в оценке фактов.

По его мнению, Ваш образ Ермолова слишком «сусален». Где же, в каком действии генерала видна эта сусальность?

Тогда ли, когда грозный Ярмол едет во главе отряда через Андрей-аул, под грохот барабанов, под песни, свист и уханье своих кавказских орлов?

Тогда ли, когда в дыму и пламени, среди стонов и проклятий защитников, оглашаемый плачем женщин и детей, захлебываясь в крови, умирал Дады-Юрт, раздавленный согласно инструкции того же непреклонного Ярмола?

Или, может быть, проконсул Кавказа сусален в момент разгрома тифлисской сволочи в лице Чекалова, Корганова и сподвижников их? Я полагаю, что от такой «сусальности» тов. Трунов, приснившись она ему даже во сне, добре сломал бы цикорий, а то и искру пустил бы ненароком!

Однако ему всего этого недостаточно: он хотел бы увидеть Ермолова в Вашем изображении похожим на те огородные пугала, в виде которых было принято изображать генералов вообще на плакатах РОСТА в 1919-1921 годах, в разгар Гражданской войны...

Я же лично уверяю Вас, что чем больше терзаю я заслуживающие доверия источни-

ки, тем дороже становится мне Ваш Ярмол, и если бы Вы во втором издании первой части изменили бы этот чеканный образ, я бы, не задумываясь, предал Вас анафеме; впрочем с «сотником в очках» такой репри-манд даже в теории не возможен.

В вопросе об образе Гази-Магомеда критик Ваш засыпался вполне окончательно: он совершенно игнорирует факты разгрома имамом пьяного гульбища, голых баб у ручья, его попытку зарезать бывшего наставника своего Сеида-эфенди, дом и библиотеку которого он через некоторое время стер с лица земли; в конце концов критик прибегает к провокаторскому приему, пытаясь утверждать, что, описывая чистоту намерений Гази-Магомеда и его шихов, вы, якобы, оправдываете религию, забывая о замечательной сцене у аварской ханши Паху-Бике, где с таким позором был разоблачен персидский наймит, «прозорливец и пророк» мулла Саид.

Но если бы Вы относились с полным сочувствием к религиозной проповеди имама, то и в этом не было бы ошибки, ибо шариат все же прогрессивнее адатов, а исламистский демократизм прогрессивней засилья ханов и беков. Можно напомнить т. Трунову, что христианство при своем возникновении в пору распада античного рабовладельческого общества, было прогрессивной идеологией, что воинствующий ислам создал предпосылки к пышному развитию арабской культуры и привел к возрождению на Среднем Востоке наук и философии... на четыре века раньше Ренессанса христианской Европы, что Реформация в определенные годы, преодолевая феодально-католический застой, помогла развитию торгового капитала и т.д. Однако, завоевывая ключевые позиции, все эти идеологические течения неизменно теряли свою первородную сущность и становились реакционными. «Всякий прогресс, становящийся догматом, вырождается в тормоз», — сказал великий мыслитель XIX века Э. Реклю. Не миновал этой участи и мюридизм...

Трудно угодить критикам типа Трунова: они забыли завет Добролюбова — кри-

тикуй то, что написано автором, и не ставь ему в вину то, что он мог бы написать, но не написал.

...Первым движением моим по прочтении дагестанской рецензии было: взять перо и написать в «Литературную газету»; но затем, по зрелом размышлении, я остановился, ибо вспомнил, что подобно тому, как в феодальном обществе бытовало *ius primaе noctis*¹⁷ сюзерена, так в нашем обществе бытует право критика безнаказанно бить связанного. Автор, получив плевков, не только не имеет права ответить затрепичной, но даже не имеет возможности вынуть платок и утереться из боязни прослыть нетерпимым к критике, или, чего избави Бог, «зажимщиком» критики...

Не удивляйтесь, что и владикавказский рецензент¹⁸ мало знает Гази-Магомеда — газетчики порой не знают и русских героев Кавказской войны... Рецензия владикавказского автора — на мой вкус — в одном духе с дагестанской; какая из них лучше, затрудняюсь сказать. По мне — обе лучше...

Два слова о себе. Нас с Ольгой Платоновной двое, и иного более у нас на свете нет. Я — старый врач-психоневролог, уроженец Владикавказа¹⁹. Покойный отец мой — солдат-кантонист, осевший на Кавказе после войны 1877-1878 годов, ветеран Плевны. В юности я много бродил по свету и многое увидел: исколесил Европу, совершил хорошее путешествие по Атлантическому океану с образовательной целью, побывал в Африке и на Востоке, 1-ю мировую войну провел пехотным солдатом 153 Бакинского полка, совершил боевую прогулку от Саракамыша до Эрзинджана. Получив квалификацию врача в 1926 году, я прочно осел в родной Осетии. Моя основная особенность — совать нос куда меня не просят; я занимаюсь археологией и пишу²⁰, занимаюсь антропологией и пишу²¹; занимаюсь пристально историей осетинского народа²². Но особенно ужасно то обстоятельство, что я еще вдобавок пишу довольно скверные стихи, то оригинальные²³, то перевожу с осетинского²⁴, и осетины переводят²⁵ и читают мои оригинальные вирши. Таков Мусса — непослушный Пророку

и кровник Аллаха²⁶, вмешавшийся непрошенный в судьбу Вашей чудесной эпопеи...

Примите, дорогой Хаджи-Мурат, мой братский поцелуй (назло всем Труновым и их труноидам) а семейству Вашему передайте теплый привет от нас с Ольгой Платоновной.

Расписываюсь с Вашего разрешения полным титулом, который с чувством благодарности за доверие принимаю:

Ваш друг верный и надежный Мусса.

5 января 1960 г., Орджоникидзе, СО-АССР.

31 января 1960 г.

(...) ²⁷ Примите, дорогой Хаджи-Мурат, со всей семьей Вашей, да хранит ее Аллах, мой горячий привет и скорбную мою жа-лобу...

Неизменно Ваш Мусса.

27 февраля 1960 г.

Я горячо исповедую убеждение, что ни писать вторую книгу, ни переиздавать первую Вам без глав об осетинах нельзя. Писать эти главы без достаточного знакомства с историческими материалами для писателя Вашего почерка — вещь невыносимая. Материалы же надлежит искать во Владикавказе. Я убежден был в этом с самого начала, но писать Вам об этом побаивался, дабы не попасть в положение башмачника, критиковавшего картину Рембрандта²⁸. Тем сильнее мое удовлетворение услышать, что Вы сами прочно пришли к такому выводу... Мне думается, что Вам сегодня же надо списаться с директором НИИ Черджиевым²⁹... А о Грозненских материалах запросите Халида Дудаевича Ошаева³⁰. В обоих случаях, если сочтете уместным, можно сослаться на мою настоятельную рекомендацию.

Предварительные сведения о зикре и чечено-ингушских зикристах сообщит Вам мой, живущий в Москве, друг, доктор Шуския Зиновьевич Копницер³¹. Впрочем, мое сегодняшнее письмо более походит на скучную справку адресного бюро, чем на дружеское послание, в чем прошу Вашего великодушного прощения.

7 марта 1960 г.

Известие о болезни Хаджи-Мурата

сильно взволновало здешних писателей. Ко мне все время приходят товарищи, желают узнать новости, но я, разумеется, ничего не могу им сообщить, кроме того, что узнал из Вашего письма.

28 мая 1960 г.

(...) ³² «Слава тебе, Господи! Будет Хаджи-Мурат — будет и газават!» Этот неожиданно сорвавшийся с его уст каламбур я воспринял как наш общий лозунг: будет и «Газават» — и еще много прекрасного будет!..

13 августа 1960 г.

Дорогие друзья!

Сегодня седьмой день моего «отпуска». Протекает этот, с позволения сказать, отпуск грустно, убого, бессодержательно. Надежда увидеться с вами, когда-то поддерживавшая меня, ныне улетела: тяжкие болезни Хаджи-Мурата выбили почву из-под возможности встречи.

Два дня тому назад я закончил свою никому не нужную повесть о Пирогове во Владикавказе 1847 года. Сейчас читаю рукопись романа известного Вам Г. Х. Вермишева «Амирспасалар». Произведение сие заслуживает внимания, но для чего автору понадобилось мнение о нем столь незаметной личности, как я, мне не совсем ясно.

Хазби Саввич Черджиев уехал куда-то на курорт, так что в институте царит «мертвый сезон». Только под станицей Змейской да близ Эльхотова ведет раскопки по аланскому средневековью неутомимый Е. И. Крупнов.

Подготовка к декаде ведется безалаберно и небрежно, но это неважно, — для всякой декады в Москве имеются штатные панегиристы наготове.

Маленькое стихотворение «Коста»³³ в альманахе, написанное октавами, вряд ли достойно Вашего внимания, но, если я найду еще экземпляр альманаха, то обязательно вышлю.

Живется мне трудно — достают одиночество и немощи, но самое опасное и убийственное — это отсутствие целеустремленности, размеренная серость и монотонность моего бытия. Как Вы имели случай убедиться, я не принадлежу к категории

нытиков, но у всякого индивида, даже самого солнечного оптимиста, шампанское и хинный раствор вызывают при дегустации совершенно различные формы мимики.

Вам, мужественным людям, быть может, непонятна моя депрессия, но я пишу о ней, потому что некому больше писать.

Несколько последних дней провел я в местном республиканском архиве, который поразил меня убожеством своего содержания. При всем старании моем мне не удалось найти разрешения интересовавших меня вопросов о Владикавказе 40-х годов XIX века.

Примите, дорогие друзья, мой привет и уверения в самом теплом к Вам чувстве.

Ваш Мусса.

20 апреля 1961 г.

...От души благодарен Вам за внимание к моей рукописи³⁴ и за обилие доброжелательных и искренних замечаний.

Ваши замечания о засоренности языка очень ценны и убрать эту засоренность не трудно.

Совершенно бесспорны излагаемые Вами мысли о названии казачьего полка, о форме георгиевских кавалеров, о праве производства военных в следующий чин, о том, что награждение офицеров солдатскими знаками военного ордена вошло в обиход в I мировую войну... во всех этих вопросах Вы несомненный знаток и здесь мнение Ваше — закон.

Однако по поводу некоторых соображений Ваших необходимо... возразить. Учитывая все неопровержимые факты, имеющиеся и в «Осетинские тексты» академика Шифнера, и в «Очерке развития осетинской литературы» Х.Н. Ардасенова, я позволю себе считать И. Чепиговского, Аксо Колиева, Василия Цораева, Даниила Чонкадзе — не «прекраснодушным духовенством», а могучей кучкой самоотверженных борцов за культуру осетинского народа, которыми я не «умиляюсь», а показываю их в одном из эпизодов их борьбы с таким ярким представителем феодализма и крепостничества, каким был генерал Асланбек Туганов, фигурирующий в моей повести как весьма отрицательный персонаж.

Эта острая полемика Асланбека с Чепиговским, Колиевым, Цораевым, Чонкадзе — не авторский домысел, а истинный факт, запечатленный в мемуарах брата Асланбека, Аслангирея. Со слов Махарбека Туганова, друга моего, я имел возможность воспроизвести сцену обеда у коменданта, генерала Нестерова³⁵.

Это не просто «либеральный генерал»... В пироговские дни в ноябре 1960 года по приглашению некоторых организаций я публично выступал (с отрывками очерка). Успех был поразительный. Я с удовольствием наблюдал реакцию массового читателя, думая: голос народа — голос Божий, ведь пишем-то мы для народа, а не для авгуров.

Но... обратимся и к авгурам. Я привожу ниже полностью отрывок видного литературоведа³⁶, научные труды которого и учебники приняты во всесоюзном масштабе.

Меня очень тронула братская забота Ваша о моем спокойствии и благополучии, но, говоря откровенно, я не робкого десятка и выдвигал виды в смысле «крепких ударов по потылице»³⁷.

Как-то в 1935 году вышла в свет моя антропологическая монография «Учение о микроцефалиях в филогенетическом аспекте»³⁸. Труд этот, выношенный мною в течение 5 лет упорной работы исследовательской, выдергивал стулья из-под таких реакционных авторитетов, как Вихров, Майер, Брока, являвшихся основоположниками современного расизма. Это не понравилось кое-кому из наших фарисеев, которые, преклоняясь перед «мудрецами» Запада, маскировали свое идеалистическое нутро квазимарксистской идеологией. Они подняли вой и обвинили меня в «фашистском толковании фактов» (в те годы это было опасным обвинением); я им ответил, завязалась полемика, которая неожиданно закончилась тем, что гонители мои были изъяты, — конечно, не за полемику со мной, а за дела поважнее и погрязнее, а концепция моя была признана и послужила основой к разработке этой проблемы некоторыми московскими учеными...

Впрочем, у Вас есть опыт аналогичный моему. Вспомните-ка, сколько лет пролежало

ла под спудом Ваша рукопись «Буйного Терека» в годы, когда общественное сознание было отравлено токсинами багировской спирохеты. Но прошло время, и «Буйный Терек» живет и читается нарасхват, — а где Багиров и его подпевалы?

Учитывая все это, я могу сказать словами арабской поговорки: «Честному пластьщику никакой залог не страшен».

1 апреля 1963 г.

Милый Хаджи-Мурат, пусть лучше не пускают в печать³⁹, чем пропустить, а потом предать в руки тем борзописцам, которые нынче обливают помоями Евтушенко за его «Бабий Яр», сравнительно недавно без заминки выпущенный цензурой... Ведь и «Буйный Терек» долго мариновали, а в конце концов эта эпопея заняла свое достойное, блистательное место в литературе российской.

Кстати, о «Буйном Тереке». Образцы рисунков Самокиша, посланные Вам, действительно бесподобны как иллюстрации, и не только к «Буйному Тереку», но и ко второй части, — ведь там имеются изображения, прямо относящиеся к аулу Гимры, последнему акту трагедии Гази-Магомеда.

Настоятельно рекомендую найти в библиотеке им. Ленина роскошную книгу «Апшеронская памятка» (СПб, 1894). Великий князь Георгий Михайлович. Капитан Л. А. Богуславский, — откуда взяты наши фотокопии. Там Вы найдете целое море иллюстраций Кавказской войны, которые, мне думается, можно прямо скопировать и пустить за подписью академика Н. Самокиша, указав в Предисловии источник. Лучше этого материала нам не найти.

6 июля 1963 года.

Дорогие друзья!

Пребываю в состоянии тревожного недоумения.

Немедленно, по получении бодрого письма с просьбой о высылке фотографий терских революционеров я наладил это дело через наш институт, а вас об этом уведомил письмом.

На мое уведомление ответа я не получил, но не придал этому значения, полагая,

что ответ придет, когда будут получены фотографии.

Через 10 дней Хазби Саввич сообщил мне, что фотографии в Москву высланы, а наш архивариус — Надежда Гулуева⁴⁰ — показала мне дубликаты размера 12 на 18.

Я терпеливо стал ждать отзыва Хаджи-Мурата, в какой мере годятся эти фото для клише, но миновали все почтовые сроки, а Москва молчит...

Я — не Поликрат и никогда не прошу богов «подлить печали в мой фиал», но печаль произвольно овладевает мною, а в башку лезут нехорошие мысли.

Ради Аллаха, какова бы ни была причина столь долгого молчания, сообщите мне ее.

Ваш Мусса.

24 февраля 1964 г.

Махарбек Туганов начинает свой рассказ о деле осетин против Кази-Муллы в марте 1832 года так: «Вы любите дигорцев, Мусса, Вы любите Дигорию и ее полную трагических событий старину, и мне хочется рассказать Вам об одном, не очень старинном эпизоде, о котором, по незнанию или, может быть, по каким-либо другим причинам, наши историки хранят, к сожалению, гробовое молчание (...)»⁴¹

Заканчивает М. Туганов так: «Душевно скорблю, что эти и многие другие источники, исторические материалы, а также мои многочисленные альбомы и зарисовки погибли в огне во время разгрома в 1919 году моего дома в Дур-дуре белыми в отместку за то, что он в течение нескольких месяцев служил штаб-квартирой дигорским керменистам».

28 марта 1965 г.

Алла акбар! Да будет благословенно пресвятое имя Его и лучезарное чело, увитое венцом созвездий, изливающее миру свет бессмертной премудрости за великую милость, дарованную Им правоверному рабу Его, мудрому ашугу Его Хаджи-Мурату.

Пусть направит он сильную длань любимца своего и пусть легко скользит калам⁴² ашуга, излагая на белоснежный пергамент дивные сказания на радость и в назидание правоверным.

Ля илляги иль Алла! Воистину, великой радости исполнены наши сердца после чтения послания Вашего.

Дорогой Хаджи-Мурат!

Впервые за многие месяцы расправились наши плечи при известии о том, что наш маститый друг, поверженный недугом, сбросил с плеч своих его холодные объятия, и вскочил в седло, не касаясь стремян.

Продолжайте, Бога ради, в том же духе, мудро соразмеряя темпы работы со своими силами.

Нам чертовски нравится, что в Вас заговорила совесть и Вы вспомнили о дигорцах. Ведь даже в «Кукле»⁴³ имеется милый всякому честному сердцу Сеоев, а в 1-м томе «Буйного Терека» — единственный дигорец Татархан выставлен бандитом. Но об этом после, а пока имею Вам заметить, что рассказ Махарбека о Назрановском боище — вещь убедительная.

Если Вам угодны материалы о создании дигорских станиц, то я выцарапаю их из моего архива. Вернейшие сведения со слов очевидцев — глубоких старцев, записанные тем же Махарбеком, и, представьте, что инициативу в этом деле имели также Сеоевы, и, что вся эта история исполнена кровавой романтики и героики.

Угодна Вам эта летопись — пишите, — я Вам ее подарю.

С неменьшей радостью я Вам сообщу сочные подробности из жизни Татархана (это — для 1-го тома).

Разумеется, я поищу непременно в институте интересующую Вас книжку, — маслом каши не испортишь.

Вы, по-видимому, сохранили мои замечания по поводу досадных «песчинок» в 1-м томе.

В дополнение к ним дерзну отметить: 1) уберите «картечницы» из переправы через реку под наблюдением Ермолова и Мазаровича, потому что «картечницы» были впервые применены в России на Шипке в 1877 году; 2) не давайте артиллеристам в сражении под Гянджой задира́ть «хоботы» орудий для перекидного огня по персам, пусть «хоботы» подкочаю́т, тогда будут задраны стволы орудий и цель будет достиг-

нута, а если они задерут «хоботы», то гранаты попадут не в персюков, а в задницы собственной пехоты.

Поскольку я выступаю с моими нахальными замечаниями о 1-м томе в последний раз, то беру на себя смелость убедительно посоветовать дать к 1-му тому короткий, но потрясающий пролог о кровавой трагедии генералов Грекова и Лисаневича в крепости Герзель-аул.

Этот пролог пояснит читателю и поход Ермолова против «Сурхайки», и его агрессивную направленность против горцев в споре с Грибоедовым, и, в какой-то мере, расшифрует тенденции сложной натуры Алексея Петровича.

И еще один горячий, сердечный совет: используйте посланные мною иллюстрации Самокиша, воспроизвести которые, после предварительной ретуши, очень легко через фото-клише с мелкой сеткой.

Вот, пожалуй, и все, касающееся Ваших дел.

Известие о переиздании 1-го тома будет сохранено в абсолютной тайне.

Мишка Федюшкин живет помаленьку, в полном обожании к Вам.

Неизменно благожелательный Хазби и его Маринка сердечно рады улучшению Вашего самочувствия.

Нынешняя владикавказская весна похожа на температурную кривую при тропической лихоманке, — то жар, то озноб.

Наше здоровье пребывает пока на уровне практического благополучия.

Спартанский царь Леонид оправился от своих Фермопил⁴⁴ в форме никому не нужного аппендицита. Клянемся Аллахом, что Ваш исторический трактат об аппендицитах мы, без особого Вашего разрешения, в печать сдавать не будем и, Боже сохрани, не напечатаем его под своим именем.

Дорогая Надежда Павловна! Радуюсь за Вас и вместе с Вами благотворному улучшению погоды в Вашей семье. От всей души желаем Вам в этом направлении продолжительного тепла и безветрия.

Аллах да осенит покровом милости своей любимую нами семью премудрого

ашуга, в укрепление чего крепко вас всех целуем.

Ваши Ревекка⁴⁵ и Мусса.

4 декабря 1965 г.⁴⁶

Кончина Кази-муллы обстоятельно описана у Потто; думается, его материал нужно взять за основу, приняв во внимание реплику Олега Фрейлиха⁴⁷ относительно «касла».

«Ингуши» Гатуева — пасквиль; правда, повесть эта создавалась в те годы, когда с эффектом можно было изобразить у офицера рога и хвост, а у генерала — еще и два.

«Зелимхан» — тоже плохо.

13 марта 1966 г.⁴⁸

Дорогие Хаджи-Муратики!

Посылку Вашу с хлоридом калия мы получили в полной сохранности. Большое Вам за нее спасибо.

В наших аптеках на пациента, требующего таблетки этого препарата, смотрят, как на голубую собаку, или как на телеграфный столб, затесавшийся в молодежное кафе, и дают страшно умные советы поискать это лекарство в ветеринарном складе, где оно иногда продается в упаковках по несколько килограммов.

У нас сложилась довольно однообразная и весьма безотрадная обстановка.

Моисей Григорьевич продолжает оставаться в постели и процесс его выздоровления подвигается такими медленными темпами, что конца не предвидится.

Положение крайне осложнилось неожиданным и печальным обстоятельством: недели 3 тому назад мне произвели подкожную инъекцию кордиамина, в результате которой образовался мучительный нарыв, который или вскроется сам, или его придется резать.

Вспоминая тяжкий опыт Ваших страданий и анализируя сегодняшний опыт наших бед, мы порою просто удивляемся, сколько на долю одного человека выпадает мучений, жестоких и бессмысленных.

Дорогой Хаджи-Мурат! Мусса все забывал Вам дополнительно сообщить, что Татархан Туганов погиб у селения Минарет (Эльхотово) в результате предательского поединка с кабардинским пши Кожокиным.

Спешив князя выстрелом из мушкета, Татархан великодушно спешил сам и бросился с ним рубиться, но в это время был убит предательским выстрелом в спину одним из сидевших в кустах аталыков Кожокина.

Через два часа мимо этого места проследовал в Россию опальный Ермолов.

Мусса давно Вам послал пространный очерк о подвигах Татархана под заглавием «Дигорская старина».

Крепко вас всех обнимаем, дорогие. Будьте здоровы.

Ревека, Мусса.

30 июня 1966 г.⁴⁹ (Г. Х. Вер [нрзб] ... — Хаджи-Мурату Мугуеву)

Относительно кончины М. Г. Домбы Мария Андреевна⁵⁰ повторила, что за три дня до его смерти Ревекка Яковлевна перестала появляться в больнице, и тогда он, находясь в полной памяти, несмотря на сепсис, переделал завещание.

4 мая 1966 (М. Федюшкин — Мугуевым)⁵¹

Многоуважаемые Надежда Павловна, мой славный Хаджи-Мурат и Ваш сын Тимур!

С глубокой скорбью сообщаю Вам всем печальную новость о преждевременной смерти нашего общего глубокоуважаемого доброго общего друга и приятеля Моисея Григорьевича, д-ра Домба. Он скончался в 5 часов утра 2-го мая в отдельной палате клинической больницы для нервно-больных, находящейся по улице Маркуса, № 10, где он работал до последнего дня, когда болезнь, вследствие ушиба печени, почек и больной ноги, ходил все время с костылем, уложила его в кровать и довела его до кончины. Несмотря на все усилия врачей больницы, куда его положили за 10 дней до смерти, ничего ему не помогло, и он скончался 2 мая в 5 часов утра, все время он был в сознании, а за 3-4 часа до смерти он был без сознания. 3-го мая в 3 часа дня тело его вынесли из его квартиры под звуки похоронного марша Шопена. Крышку и гроб несли врачи. Народу сперва было много, но мало по малу покидало похоронную процессию, чему способствовала

резко ухудшившаяся погода до проливного дождя. До еврейского кладбища несмотря на начинающийся дождь дошла только ¼ часть, его верные друзья, которые проводили его до последнего жизненного пристанища, то есть до могилы. Когда подошли до ворот кладбища стали гроб снимать с автомашины двое и я взял крышку гроба и донесли до могилы. После краткого траурного митинга пришлось вместе с одним стариком накрыть крышку гроба и забить гвозди крышки гроба. Потом под звуки траурного марша Шопена нашего дорогого общего друга опустили в могилу. Ревека Яковлевна все время плакала и плакал племянник, сын его умершего брата и его жена. В общем было очень тяжело. Сын майор Ревеки Яковлевны опоздал на час и на кладбище не был. Была телеграмма и венок от Вас. После все собрались

дома и помянули его. Черджиев все время оказывал большую помощь в лечении Моисея Григорьевича и проводил его до кладбища.

Теперь сообщаю другие новости.

В газете «Осетия» была напечатана глава Вашего романа — 2 части «Буйного Терека». Написано хорошо и очень понравилась осетинам ибо там больше половины о них. Когда выйдет книга «Господин из Стамбула». Много спрашивают о ней у меня, зная что мы знакомы и ведем переписку. У нас дожди надоели прям. День-два хорошая погода а следующие 2 дня дождь. Как будут готовы 2 снимка о Казим-Муле вместе последними данными о его смерти в бою под Гимрами то немедленно пришлю их Вам.

Привет. Жду ответа.

Мишка Федюшкин.

Примечания

1. Опосредованно это подтверждается последним — и едва ли не единственным за всю постсоветскую историю — упоминанием о М. Г. Домба в нашей прессе, именно статьей профессора С. Р. Чеджемова с красноречивым заголовком «Тайна одного имени»: «В Год прославленного художника Осетии Махарбека Туганова, объявленного в 2011 году, в “СО” (газета «Северная Осетия». — И. Х.) прошла целая череда публикаций, связанных с его жизнью и творчеством. Кажется, уже нельзя сказать об этом человеке ничего нового. Ан нет! Из раза в раз авторы продолжают удивлять читателей новыми интересными подробностями. И вот — очередная небольшая сенсация, касающаяся, правда, художника не напрямую, но... тем не менее! Определяя вклад Махарбека Туганова в культуру осетинского народа, часто необходимо говорить и о его окружении. Одним из верных друзей и сподвижников художника был Мусса Хаким, о котором мы мало что знаем. А ведь это он в 1952 году (в год смерти Туганова) издал капитальный труд о его творчестве под названием «Махарбек Туганов — народный художник Осетии». В нем были собраны репродукции наиболее известных картин, описывались жизнь и творчество живописца. По сути дела, это была первая книга о художнике, в которой он не упрекался в мелкобуржуазном национализме, в воспевании “мелкотемья”, ведь среди героев его произведений были не только прославленные революционеры, но и зарисовки быта осетинского народа, замечательная галерея персонажей нартского эпоса. Так кем же был этот популяризатор творчества Махарбека Туганова — Мусса Хаким?...» [1]

2. Речь идет о съезде писателей Северной Осетии, проходившем 30-31 августа 1954 г., в котором Х.-М. Мугуев участвовал в составе московской делегации.

3. Багиров Мир Джафар Аббас-оглы (1895-1956), сов. партийный и государственный деятель, в 1933-1953 гг. — 1-й секретарь ЦК КП Азербайджанской ССР. В статье «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля» (1950) он, между прочим, утверждал,

что имам Шамиль был иностранным шпионом. «Вскоре это мнение стало главенствовать, хотя до этого господствовало прямо противоположное» [6, 158-159].

4. Речь идет о первом издании 1-й книги «Буйного Терека» (1959).

5. Здесь Мусса Хаким перечисляет сначала отрицательных героев романа «Буйный Терек», затем — героев положительной типизации.

6. Бороздин Илья Николаевич (1883-1959), профессор, историк-востоковед, этнограф, литературный критик, член Союза писателей СССР. Автор предисловия, вошедшего в первые четыре издания романа Х.-М. М Мугуева.

7. Платон Каратаев, герой романа «Война и мир» Л. Н. Толстого.

8. См.: Потто В. А. Кавказская война: В 5 т. Ставрополь, 1994. Т. 5: Время Паскевича, или Бунт Чечни. С. 105-107,

9. Мы в своем месте попытались дать свое объяснение этому обстоятельству [5, 222-223].

10. Возможно, так оно и было; однако Х.-М. Мугуев, как это видно из последующих изданий романа, не счел необходимым вносить соответствующие коррективы.

11. Проблематика творческой истории романа «Буйный Терек», с учетом замечаний Муссы Хакима, предварительно освещена [7].

12. «Моисей Григорьевич жил в особняке на ул. Ленина, 59. Очевидно, «уплотненный» в годы революции, он занимал первый этаж, где ныне расположен магазин. Одна из комнат служила ему кабинетом, в котором он вел прием — в основном безвозмездно. Врачебную деятельность он сочетал с преподавательской... Интеллигентнейший человек, он знал осетинский язык и общался на нем со своими соседями» [1].

13. Последние два письма очевидно отличаются от первого — и объемом, и интонацией, совершенно официальной. Вероятно, Мусса Хаким был смущен молчанием Мугуева (хотя, следует заметить, вовсе не таким долгим), и воспринял его как знак определенного недовольства или, как минимум, «приглашения» к более деловому стилю. Трогательное и радостное начало следующего письма объясняет тревогу и замешательство Муссы Хакима.

14. Речь идет о теме второй книги романа; первая заканчивается «официальным» объявлением газавата имамом Гази-Магомедом.

15. Желиховская Вера Петровна, русская писательница (1835–1896); сестра оккультистки Е. П. Блаватской; произведениям В. П. Желиховской свойственны фантастика, эзотерика и интерес к парапсихологическим феноменам.

16. Дед Михаила (Мишки) Ивановича Федюшкина, приятеля Муссы Хакима, неоднократно упоминаемого в письмах. Перу Михаила Федюшкина принадлежит и последнее письмо данного цикла.

17. «Право первой ночи» (лат.).

18. Рецензии — как дагестанская, так и владикавказская — в фондах не обнаружены.

19. Приятно отметить, что в таком качестве М. Г. Домба помнят в медицинских кругах, в частности, в Северо-Осетинской государственной медицинской академии: «В нашем городе работал всем известный доктор Моисей Григорьевич Домба. После окончания медицинского факультета Ростовского университета он посвятил всю свою жизнь борьбе за здоровье человека. По его инициативе в 1932 году был открыт кабинет нервных болезней, и он стал его первым руководителем. Работал он в физиотерапевтической лечебнице и нервно-психиатрической больнице. Как врач, Моисей Григорьевич пользовался огромным доверием» [8]. «О Моисее Григорьевиче Домба, — пишет С. Р. Чеджемов, — талантливым врачом-невропатологом и психиатром, блестяще читавшим лекции... мне рассказывал известный врач одного из санаториев Железноводска, выпускник нашей медакадемии Д. Н. Фекса» [1]. На работы М. Г. Домба (напр.: Россин С. А., Домба М. Г. Развитие неврологической помощи в Северной Осетии // Здравоохранение и медицинская помощь в

Северной Осетии. Орджоникидзе, 1958. Вып. VII. Ч. I) ссылаются и современные специалисты по истории здравоохранения [9]. В свое время были известны и такие работы М. Г. Домба, как «Краткая инструкция по электросветолечению» (Орджоникидзе, 1954); «Тереклит — северо-осетинская лечебная грязь: (Науч.-попул. очерк)» (Орджоникидзе, 1956) и др.

20. См.: Домба М. Г. По материалам древних погребений Северной Осетии/Под ред. и с предисловием В. П. Алексева. Орджоникидзе, 1966.

21. См.: Домба М. Г. Учение о микроцефалии в филогенетическом аспекте. Орджоникидзе, 1935. Много позже известный антрополог Б. Ф. Поршнева писал: «...первый автор, вернувшийся к продолжению филогенетических исследований Фохта о микроцефалии как атавизме, — это советский врач М. Домба. Он опубликовал превосходный, к сожалению, незамеченный антропологами, труд «Учение о микроцефалии в филогенетическом аспекте». Автор проверил и подтвердил выводы Фохта, но при этом мог опираться на значительные данные современной науки об антропогенезе, которыми Фохт, разумеется, не располагал» [10].

22. Заметим, что статья Махарбека Туганова «К истории осетинского народа» (1950) [11, 121-124] написана им в соавторстве с Муссой Хакимом, хотя фактически его участие указывается только в примечаниях к тексту [11, 234]. Сам Мусса Хаким вспоминал: «Махарбек обдумывал серию картин, посвященных совместной борьбе... русского народа и предков осетин с монгольскими завоевателями в XIII-XIV веках. Он тщательно собирал фольклорный материал о событиях поры Тамерлана и Тохтамыша — самого трагического момента в истории осетинского народа, в то время как автор этих строк был занят историческим исследованием на эту же тему. Результатом совместной работы явился очерк «К материалам по изучению истории осетинского народа» (заголовок первой публикации статьи в «Известиях ЮОНИИ», 1950, т. IX. — *И. Х.*), имевшей целью подготовить общественное мнение к правильному восприятию задуманных художественных произведений» [2, 52]. К историческим работам Муссы Хакима с полным правом можно отнести также книгу «Генерал-лейтенант Созырько Хоранов» (Владикавказ, 2002) и, конечно, его знаменитое исследование о Махарбеке Туганове.

23. См., например: Мусса Хаким. Мой зверинец: Стихи для детей. Дзауджикау, 1947; Мусса Хаким. Памяти Коста (Реквием) // Социалистическая Осетия, 1946. 30 марта; Мусса Хаким. Певцу // Северная Осетия, 1960. № 15/16. С. 94-95. Известно также, что перу Муссы Хакима принадлежат стихи, посвященные осетинскому поэту Барону Боциеву.

24. На данный момент нам известны переводы Муссы Хакима из Нигера (Ивана Джанева), Татари Епхиева, Дабе Мамсурова, из осетинской народной поэзии («Задалески Нана»/«Мать Задалеска»), но, очевидно, литературно-переводческое наследие Муссы Хакима этим не исчерпывается.

25. Переводы произведений Муссы Хакима на осетинский язык пока не обнаружены.

26. Очевидно, ироничный намек на свою национальную принадлежность.

27. Хаким сообщает о смерти жены, Ольги Платоновны. «Моисей Домба, — пишет С. Р. Чеджемов, — был примерным семьянином, всю жизнь прожил с супругой Ольгой Платоновной — француженкой по национальности. Супруги часто говорили на французском языке, хорошо знали и немецкий язык. После смерти жены Моисей Григорьевич почти ежедневно навещался к ней на могилу с букетом роз...» [1]

28. На самом деле источник афоризма «Сапожник, суди не выше сапога» восходит к преданию о древнегреческом живописце Апеллесе; А. С. Пушкину принадлежит известная притча «Сапожник», написанная по этому сюжету.

29. Черджиев Хазби Саввич (1908–1988). С 1958 по 1981 гг. — директор Северо-Осетинского научно-исследовательского института (ныне СОИГСИ). Л. Таутиева подтверждает, что Х. С. Черджиев переписывался с Х.-М. Мугуевым [12].

30. Ошаев Халид Дудаевич (1897-1977), чеченский писатель и драматург, в 1957-1961 гг. — зам. директора Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Х.-М. Мугуев ли написал Х. Ошаеву первым, или Ошаев Мугуеву, но, во всяком случае, писатели обменялись мнениями (написав друг другу, предположительно, по два письма), и в довольно открытой и бескомпромиссной форме (спор касался, как нетрудно догадаться, личности генерала Ермолова и его роли в судьбах горских народов, — причем в связи с национальными (горских народов) драмами XX века. Второе письмо Х. Д. Ошаева можно прочитать здесь: <http://forum.guns.ru/forummessage/316/1023430.html>; предшествующее ему письмо Х.-М. Мугуева мы опубликуем в свое время.

31. Личность установить не удалось.

32. Фрагмент письма отсутствует. Очевидно, Мусса Хаким цитирует восклицание «Мишки» Федюшкина, торжествующего по поводу новости о выздоровлении Хаджи-Мурата Мугуева.

33. Скорее всего, имеется в виду стихотворение «Певцу» (см. выше).

34. Речь идет об исторической повести Муссы Хакима «Пирогов во Владикавказе в 1847 г.». Повесть, судя по всему, так и не была опубликована, однако некоторые сведения о рукописи в прессе налицо: «Сохранить и донести до нас детали пребывания Н. И. Пирогова во Владикавказе помогли народный художник М. С. Туганов и его близкий друг врач М. Г. Домба. Среди трудов последнего значится историческая повесть «Н. И. Пирогов во Владикавказе». Вот что писал Домба в письме Михаилу Константиновичу Далю, председателю комиссии по увековечению памяти Н. И. Пирогова и организатору музея в доме-усадьбе Н. И. Пирогова в г. Виннице: «Память Н. И. Пирогова для меня священна. Это великий гуманист, появившийся в 1847 г. в крепости Владикавказ, как солнце, несмотря на всю краткость пребывания его, здесь предрешил и определил на ряд десятилетий развитие медицинской мысли в этом, в то время глухом отдаленном уголке» [13, 7].

35. «...Имена и обстоятельства, связанные с пребыванием Н. И. Пирогова в крепости Владикавказ, сохранил и М. С. Туганов, дед которого Аслангирей Туганов, судя по оставшемуся дневнику, и его старший брат генерал-майор Асланбек Туганов встречались с Пироговым на обеде у коменданта крепости... Первое знакомство с жителями края было устроено для Пирогова комендантом крепости Нестеровым, который собрал у себя в доме малую, но все же разнохарактерную компанию... Среди его гостей кроме братьев Тугановых (дед М. С. Туганова Аслангирей и его старший брат Асланбек. — И. Х.) были священник Алексей Колиев и его молодые сподвижники Даниил Чонкадзе и Василий Цораев» [13, 7].

36. Вероятно, Мусса Хаким приложил к своему письму фрагмент альтернативного отзыва на его рукопись; в фондах СОМОЛ она не обнаружена.

37. С. Р. Чеджемов пишет: «Согласно воспоминаниям Кануковых (в частности, известного педагога Лидии Казбековны Кануковой, матери профессора З. В. Кануковой. — И. Х.) Моисей Домба был весьма принципиальным и по тем временам, следует признать, бесстрашным человеком. Он не боялся оказать помощь своим друзьям, попавшим под молот репрессий, никогда не скрывал своей еврейской национальности: и когда немецкие войска подошли к рубежам Владикавказа, и в годы борьбы с космополитизмом. Он никогда не изменял принципам интернационализма и патриотизма, столь немодным ныне для многих» [1]. Благородство Муссы Хакима и независимость его суждений подтверждаются и тем участием, которое он принял, в частности, в творческой судьбе Созырыко Бритаева, одного из наиболее самобытных писателей советского времени, которые «испытали на себе всю тяжесть обвинений в аполитичности, в безыдейности, в продвижении чуждых партии идеологий, в преклонении перед буржуазной культурой, в «формалистическом трюкачестве» и «мнимом новаторстве»» [14, 152]. В статье «За высокоидейную советскую

литературу» (Собрание Союза советских писателей республики) // Социалистическая Осетия. 25 сентября 1946 г. № 191) говорилось: «...Странным является и тот факт, что на собрании была попытка взять это вредное произведение Бритаева (очерк «Дикий кабан». — И. Х.) под покровительство. Поэтому выступление Мусса Хакима... нельзя назвать иначе, как либеральным» [14, 154].

38. См. прим. 21.

39. Речь идет о повести Х.-М. М. Мугуева «Тонкая рябина», которая, строго говоря, не соответствует уровню Х.-М. Мугуева. Вспомнив «Бабий Яр», Мусса Хахим прибег к весьма условной аналогии (в повести присутствует опосредованная критика «сталинского режима»).

40. Гулуева Надежда Павловна (супруга поэта Андрея Гулуева) стояла у истоков развития отдела рукописных фондов СОНИИ, на базе которого сформировался нынешний научный архив СОИГСИ.

41. Здесь Муссой Хахимом приводятся обрывочные сведения о Хаско-Майхо (кабар.) — Кургане осетинской победы, где в XIV в. аланы разгромили авангард армии Тимура на поле Силтанук (об этом событии Махарбек Туганов и Мусса Хахим писали и в статье «К истории осетинского народа» [11, 124]; о дигорских бадилятах, в 1820 г. присягнувших Ермолову на верность русскому царю, о встрече Касая Кубатиева с генералом Ермоловым и обмене подарками; о братьях Асланбеке и Аслангирее Тугановых и Джелма Агузарове, молочном брате Аслангирея; о 850 осетинских всадниках, прибывших во Владикавказ в феврале 1832 г. для защиты крепости от Кази-муллы; об участии в деле донских казаков под началом есаула Платона Андреевича Полякова.

42. Слово, речь (араб.).

43. То есть в повести Мугуева «Кукла госпожи Барк».

44. Очевидно, Мусса Хахим использует этот образ как метафору своей болезни.

45. Ревекка Яковлевна, вторая жена Муссы Хакима.

46. Начало и конец письма отсутствуют.

47. Олег Фрейлих — режиссер немого черно-белого фильма «Зелимхан» (1926), в съемках которого осетинский писатель Дзахо Гагуев (1892–1938), автор одноименной документально-художественной повести, выступил консультантом. Выражение О. Фрейлиха о «касле» неизвестно.

48. Письмо написано Ревеккой Яковлевной ввиду болезни Муссы Хакима.

49. Письмо написано Г. Х. Вер [нрзб]. Начало и конец письма отсутствуют.

50. Вероятно, родственница М. Г. Домба.

51. Письмо публикуется с сохранением орфографии подлинника.

Документы подготовлены к публикации

И. С. Хугаевым

1. Чеджемов С. Р. Тайна одного имени // Северная Осетия. 24 августа 2011 г. № 154.

2. Мусса Хахим. Махарбек Туганов — народный художник Осетии. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1962.

3. Письмо Н. П. Мугуевой к Калоевой Римме Александровне от 27 ноября 1972 г. // Северо-Осетинский музей осетинской литературы (далее СОМОЛ). Фонд Х.-М. М. Мугуева. Ст. 4. Пол. 3. Кор. 4 (основной фонд).

4. Письма Муссы Хакима к Х.-М. М. Мугуеву // СОМОЛ. Фонд Х.-М. М. Мугуева. Ст. 4. Пол. 1. Кор. 8 (основной фонд).

5. Хугаев И. С. Кавказская война XIX века в историческом романе Хаджи-Мурата Мугуева «Буйный Терек»: историзм, нарратив, идеал. Владикавказ: ВНИЦ РАН, 2015.

6. Дегоев В. В. Проблема Кавказской войны XIX века: Историографические итоги // Россия и Северный Кавказ: Сборник русского исторического общества. М., 2000. Т. 2 (150). С. 158-159.
7. Хугаев И. С. От «Кази-Муллы» к «Буйному Тереку»: к вопросу о творческой истории романа Хаджи-Мурата Мугуева // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 [электронный журнал]. URL: <http://www.science-education.ru/121-17299>
8. Плахтий С. Я., Чикаидзе Ц. М. Учебно-методическое пособие к практическим (семинарским) занятиям по курсу «Отечественная история». Владикавказ, 2011 [электронный ресурс]. URL: <http://lib.convdocs.org/docs/index-253640.html>
9. Рубаева Э. М. Становление и развитие системы здравоохранения в Терской области: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Владикавказ, 2011.
10. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974.
11. Гиреев Д. А., Туганов Э. М. Махарбек Туганов. Литературное наследие. Орджоникидзе: Ир, 1977.
12. Таутиева Л. «Как много жизней в жизнь твою вмещается!» // Дарьял. 2003. № 4.
13. Пироговские чтения (К 160-летию пребывания Н. И. Пирогова во Владикавказе) // Православная Осетия. 2007. № 11 (79).
14. Цориева И. Т. Постановления ЦК ВП (б) о литературе и искусстве 1946-1948 гг. и идеологические «проработки» писателей Северной Осетии // Известия СОИГСИ. 2015. Вып. 17 (56). С. 151-158.